

Проект общего воссоединения белорусско-украинских униатов с православными (1828–1839) и степень его самостоятельности.

Ключевые слова: *архиепископ Евгений (Булгарис), архиепископ Иосиф (Шумлянский), воссоединение униатов с православными, духовенство, Католичество, Корнеев З.Я., митрополит Иосиф (Семашко), Полоцкий Собор 1839 г., Православие, российское правительство, Уния.*

Аннотация: *В статье определяется степень самостоятельности проекта воссоединения униатов с православными, разработанного митрополитом Иосифом (Семашко), посредством его сравнения с проектами конфессиональных обращений униатов в Православие и православных в Унию, авторами которых выступали архиепископы Иосиф (Шумлянский) и Евгений (Булгарис), а также минский губернатор З.Я. Корнеев.*

Key words: *archbishop Evgeniy (Bulgaris), archbishop Joseph (Shumlyanskiy), reunion of uniates with Russian Orthodox believers, clergy, (Roman) Catholicism, Korneev Z., metropolitan Joseph (Semashko), the Polotsk Synod of 1839, Russian Orthodoxy, Russian government, the Union of Brest (the Unia).*

Summary: *The article defines the degree of independence of Joseph's (Semashko) project to reunite uniates with Russian Orthodox believers by comparing it with the projects of conversion of uniates to Orthodoxy and Orthodox believers to the Union (the Unia) whose authors were archbishops Joseph (Shumlyanskiy) and Evgeniy (Bulgaris), as well as Minsk governor Z. Korneev.*

Преобразование в конце XIV в. Великого княжества Литовского в католическое государство вывело из равновесия конфессиональную ситуацию на всем протяжении западнорусских земель, поскольку на этих территориях Католическая Церковь могла расширять свои позиции исключительно за счет Православия. Распространение Католичества достигло своего предела во времена Речи Посполитой на Брестском Соборе 1596 г. После него правители Польско-Литовского государства формально объявили все белорусско-украинское население католиками восточного обряда, а существование Православной Церкви было законодательно запрещено. В последующие два с половиной столетия происходило усвоение факта торжества Католичества, обусловленного возникновением церковно-политического феномена Брестской унии. Оно сопровождалось переходами большого числа священнослужителей и значительных масс верующих из одной конфессии в другую и

завершилось постепенным исчезновением Униатской Церкви в границах Российской империи в посл. четв. XVIII – пер. пол. XIX в.

Упразднение Унии в белорусско-литовско-украинских губерниях в 1839 г. проходило с 1828 по 1839 г. в рамках проекта общего воссоединения униатов с православными, предложенного униатским прелатом Иосифом Семашко – будущим православным митрополитом Литовским и Виленским. В ходе реализации воссоединительного проекта, сообразуясь со складывающимися обстоятельствами, Семашко разработал два плана разрыва Брестской унии. Первый осуществлялся с 1828 по 1830 г., второй – с 1832 по 1839 г. Несмотря на то, что проект разрыва Брестской церковной унии неоднократно рассматривался исследователями разных историографических школ, в нем еще остаются неизученные стороны. Одной из таких сторон является степень оригинальности идей, положенных в основание планов преосвященного Иосифа. Определение этого аспекта позволяет во многом по-новому взглянуть на процесс подготовки воссоединения белорусско-украинских униатов, а также добавляет новые штрихи к портрету митрополита Иосифа (Семашко).

Инициатива общего возвращения униатов в границах Российской империи в православное вероисповедание целиком принадлежала митрополиту Иосифу (Семашко). Заявление о том, что Уния может быть упразднена, содержится в его записке от 5 ноября 1827 г. «О положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной»¹. Здесь же содержалось описание ряда мероприятий, которые, по мнению автора, вели к полному прекращению действия Брестской унии на территории России.

Процесс разрыва церковного союза части Белорусско-Украинской Церкви с Апостольской столицей прелат Иосиф представлял разделенным на два этапа: вначале российским правительством с помощью реформ создавались новые условия служения униатского клира, а затем следовал длительный процесс его религиозного убеждения и перевоспитания. Церковный организм Унии надлежало оздоровить, укрепить и настроить так, чтобы иметь возможность дать «посредством воспитания надлежащее направление умам духовенства»². Итогом реализации этого плана воссоединения должно было стать искреннее убеждение греко-католических священнослужителей в православии вероисповедания Восточной Церкви, и, как следствие, возрождение в его среде во многом утраченного восточнохристианского самосознания и духовной практики. В результате униатские священники должны были сами, без какого-либо воздействия со стороны повести свою паству к воссоединению с православными.

Полный список мероприятий, которые было необходимо осуществить правительству на первом этапе подготовки воссоединения, сводился к следующим

---

¹ Записка, составленная ассесором коллегии, прелатом Иосифом Семашко 5 ноября 1827 года, о положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной // Записки Иосифа митрополита Литовского (в дальнейшем ЗИМЛ). Т. 1. С.387–398.

² Там же. С. 394.

пунктам. Во-первых, надо было ликвидировать униатский департамент Римско-католической духовной коллегии, а вместо него основать отдельное Высшее управление Униатской Церкви в виде Греко-униатской духовной коллегии. Во-вторых, целесообразно устроить административно-территориальное разделение приходов. Необходимо было более равномерно и удобно перераспределить их между епархиями, для чего упразднить излишнюю Виленскую митрополичью кафедру. В-третьих, удалить местопребывание униатских епископальных центров «от римских кафедр и даже от мест в коих римляне господствуют»³. В-четвертых, отменить монашеское самоуправление, подчинив иночествующих правящим архиереям. В-пятых, ввести институт епархиальных консисторий, передав им права, принадлежавшие до того капитулам епархий, а также учредить соборное духовенство по кафедральным штатам в соответствии с православным образцом того времени. В-шестых, отменить награды духовным лицам в виде дистрикторальных крестов, получаемых из Рима, и распространить на униатских священников награды православными наперсными крестами, которые вместе с соответствующими пенсиями жаловались волей российского монарха. В-седьмых, повысить уровень образования и социальный статус клира, а также улучшить его материальное положение. Для этого учредить духовную академию, епархиальные семинарии, а при монастырях – необходимые низшие духовные училища, предоставить сыновьям духовенства возможность выходить из духовного звания и поступать в военную и гражданскую службу. В-восьмых, сократить число монастырей, сообразуясь с количеством монахов и общецерковными потребностями. Закрытию подлежали малонаселенные обители с передачей их храмов белому духовенству, а фондушей на содержание учреждаемых в епархиях духовных школ. В-девятых, навести порядок в финансовой сфере, добиться более рационального использования церковных средств. В-десятых, отменить право презента, иначе – колляции. Тем самым пресекалось влияние на униатский клир землевладельцев-католиков и укреплялась административная власть иерархии.

Предлагаемые правительству мероприятия вели к: 1) восстановлению самоуправления Униатской Церкви в том объеме, в котором оно существовало при первых униатских митрополитах; 2) преодолению накопившихся во всех сферах жизни Церкви проблем; 3) максимально возможному ограждению греко-католического клира от влияния латинского духовенства и помещиков-католиков; 4) сближению Униатской и Православной Церквей в церковно-административной сфере; 5) воспитанию униатских священников в лояльности российскому правительству.

Обращает на себя внимание то, что, согласно замыслу первого плана, не подразумевалось вмешиваться в вероучение, литургическую практику и сложившиеся традиции греко-католиков. Их изменение владыка Иосиф считал важным, но достижимым только со временем. По его мысли разрушение союза с

---

³ Там же. С. 396.

Римом и возвращение белорусов и украинцев к духовным истокам должны были совершаться по мере всестороннего оздоровления и укрепления униатской части Белорусско-Украинской Церкви без перемены внутренних сторон ее жизни.

Очевидно, что проект митрополита Иосифа был рассчитан на поддержку и покровительство правительства Российской империи. Принцип, на котором строился план воссоединения, был иерархический – народ должен был без рассуждений принимать то, что ему предлагалось лицами духовного звания. Это не являлось проявлением презрения к простым верующим. Прелат Иосиф полагал, что воздействовать на простых униатов не имеет смысла. Уния представляет собой только тонкий налет на их самосознании. В своей глубине они сохраняют христианское мироощущение Восточной Церкви. Наиболее определенно владыка Иосиф выразил эту мысль несколько позже в адресованной Н.А. Протасову записке от 1 декабря 1838 г. «Народ униатский, – писал он, – за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в Унию»⁴. Отсюда следовало, что возвращать к духовным истокам нужно было не народ, а в большой степени переродившееся духовенство. Согласно мнению Иосифа, для разрыва Унии было достаточно разбудить историческую память и возбудить религиозную неудовлетворенность униатских священнослужителей. Поэтому народ, который, по его мысли, «легко пойдет путем, пастырями своими указываемым»⁵, «повелевать насильственно совестью»⁶ которого ни в коем случае нельзя, должен был оставаться в роли религиозной паствы.

Осуществление разработанного митрополитом Иосифом в 1827 г. плана воссоединения вело к оздоровлению и укреплению Униатской Церкви. В том, что для упразднения Унии униатское церковное объединение нужно было оздоровить и сделать более сильным, не было противоречия. Униаты считали себя членами особой Униатской Церкви в составе Католической Церкви. Это входило в противоречие с посттридентской католической эkkлезиологией, на основании которой в декабре 1595 г. в Риме была подписана церковная уния между Католической Церковью и частью иерархии Киевской митрополии Константинопольского патриархата. Согласно посттридентскому представлению «Церковью» могла называться только монолитная Вселенская Церковь, которая признавала непосредственную прямую власть Римского Папы над каждым епископом и верующим. Соответственно в Апостольской столице на униатов смотрели как на католиков, которым по миссионерским соображениям предоставлено право практиковать восточный обряд⁷. Не более. В то же время униаты сохраняли национальную иерархию, которая существовала параллельно

⁴ Записка от 1 декабря 1838 г., о способах порешить окончательно воссоединение униатов с Православной Церковью // ЗИМЛ. Т. 2. С. 78–84. С. 79.

⁵ Записка, составленная ассессором коллегии, прелатом Иосифом Семашко 5 ноября 1827 года... // ЗИМЛ. Т. 1. С. 394.

⁶ Там же. С. 388.

⁷ Галадза П. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань. Львів, 1997. С. 5–6.

иерархии латинского обряда. Сверх того, сами униаты с самого начала заключения Брестской унии не сомневались, а даже подчеркивали то, что, находясь в союзе с Римом, продолжают оставаться частью Русской Церкви, а также имеют свои особые интересы, состоявшие в сохранении византийского обряда и ограждении паствы от латинского прозелитизма. Как пишет В. Пери: «Брестская уния спонтанно понималась русинами, как уния между их национальной Церковью, с ее традиционной иерархической структурой, и наследованным от предков литургическим обычаем, и Римской Церковью»⁸. Иначе говоря, церковная уния греко-католиками мыслилась как федеративный союз Церквей, а не как их включение в общую массу Католической Церкви.

Представление восточнославянских униатов о своем месте в структуре Католичества ставило проблему разрыва Брестской унии весьма специфическим образом. Дело в том, что слабое плохо управляемое униатское церковное объединение могло стать легкой добычей латинских и православных миссионеров, но не могло в полном составе пойти на возвращение в Православие. Поэтому для достижения общего воссоединения требовалось не ослаблять, а усиливать униатский церковный организм, одновременно сближая строй его жизни с Православной Церковью, и постепенно убеждая греко-католическое духовенство в том, что продолжение существования Унии не оправдано с религиозной точки зрения и ведет к денационализации белорусов и украинцев⁹. Этот подход прослеживается в плане Семашко, который был предложен в 1827 г., а начал реализовываться в 1828 г.

Замысел общего воссоединения, предложенный в 1827 г., не был реализован в полном объеме. До польского восстания 1830–1831 гг. митрополит Иосиф, не столько консультируя куратора воссоединительного проекта со стороны правительства – Д.Н. Блудова, сколько выступая в качестве главного инициатора и движителя реформ, при полной поддержке императора Николая I сумел добиться создания церковно-правовой и церковно-административной базы, на основании которой можно было разорвать Брестскую унию. Было сделано много, но не достаточно, чтобы движение униатов к Православию приобрело необратимый характер.

Вооруженное выступление поляков, породив вокруг и внутри Унии новые условия, сделало приведение в жизнь плана 1827 г. невозможным и вызвало появление нового плана общего воссоединения. В записке от 26 июля 1832 г. «О ходе униатского дела» епископ Иосиф (Семашко) высказал мысль о том, что в сложившихся новых условиях воссоединение возможно осуществить подчинением Униатской Церкви православной духовной власти. Для этого дела Греко-униатской духовной коллегии нужно было передать в ведомство Св. Синода¹⁰. При этом

---

⁸ Пері В. Берестейська унія у римському баченні // Історичний контекст, укладення Берестейської унії і перше поунійне покоління: Матеріали Перших «Берестейських читань». Львів, 1995. С. 7–25. С. 19 ; Об этом же см. : Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595–1596 гг. М., 2003. 320 с.

⁹ Романчук А. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. М.–Мн., 2015. С. 250–313.

¹⁰ Записка от 26 июля 1832, о ходе униатского дела // ЗИМЛ. Т. 1. С. 596–606. С. 601–602.

митрополит Иосафат (Булгак) должен был стать постоянным членом Св. Синода. Несколько позже преосвященный Иосиф составил документ, который подал Блудову 15 октября 1832 г. В нем он подробно описал мероприятия, которые правительству следовало привести в действие одновременно с подчинением униатов Св. Синоду¹¹. Смысл нового предложения сводился к тому, чтобы через теснейшее соединение униатов с православными достичь постепенного и незаметного слияния греко-католиков с православными. Униатская Церковь должна была тихо исчезнуть с конфессиональной карты Европы.

Второй план проекта высокопреосвященного Иосифа (Семашко) не был реализован в полном объеме точно так же, как и первый. Это произошло из-за колебаний конфессиональной политики Российской империи в западных губерниях, и привело к ряду негативных явлений накануне и сразу после Полоцкого Собора 1839 г., которые католические и примыкающие к ним современные белорусские националистические историки используют для нападок на Православие и власти Российской империи.

В исторической литературе проект воссоединения 1830-х гг. неоднократно рассматривался. Оригинальность первого плана, составленного Семашко, ставил под сомнение генерал П.О. Бобровский. В работе «Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I» он пишет, что «те мероположения, о которых говорит записка Семашки (имеется в виду записка от 5 ноября 1827 г. — А.Р.), намечены были еще Лисовским, за исключением вопроса о главной семинарии»¹².

Замечание П.О. Бобровского, при всем почтении к этому автору, как крупному специалисту в области военной истории и военно-юридической науки, неосновательно и поверхностно. Существуют коренные различия в плане реформ Унии прелата Иосифа, и проекте преобразований Униатской Церкви, реализованных на переломе XVIII–XIX вв. высокопреосвященным Ираклием (Лисовским).

В первую очередь, надо сказать, что митрополит Ираклий (Лисовский) предпринимал шаги по возвышению Унии в России, ориентируясь на австрийский опыт. В Австрийской империи в правление императора Иосифа II был проведен ряд преобразований церковной жизни, в основании которых лежали идеи фебронианизма¹³. Практическое воплощение этих идей в жизнь получило название иосифизма, вызвало негодование Апостольской столицы и повлекло за собой оздоровление Униатской Церкви на территории Австрийской Украины. Главное, что послужило этому, состояло в том, что, Уния в Австрии освободилась от удушающего влияния латинства и полонизма. Благодаря этому часть Унии, находившаяся под властью Габсбургов в исторической перспективе сохранилась и пошла по пути

---

¹¹ Черновая записка от 15 октября 1832, о разных мерах, которые следовало бы принять по униатскому делу // ЗИМЛ. Т. 1. С. 606–615.

¹² Бобровский П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. СПб., 1890. С. 364.

¹³ Лопухин А.П. История Христианской Церкви в XIX в.: в 2 т. Петроград, 1900. Т. 1. С. 13–14.

развития своей самобытности¹⁴. Высокопреосвященный Ираклий (Лисовский) развернул широкую деятельность по австрийскому образцу. Однако, к 1827 г. плоды его деятельности оказались в значительной степени уничтожены сторонниками латинизации и полонизации Унии¹⁵. Поэтому Иосифу Семашко при разработке плана воссоединения в 1827 г. не нужно было ничего придумывать. Достаточно было продолжить то, что уже до 1809 г., т.е. до своей кончины, уже делал митрополит Ираклий.

В то же время между проектами Семашко и Лисовского имеется существенная разница. Она проистекала из противоположных целеполаганий. Униатский митрополит Ираклий (Лисовский) стремился возвысить Унию, а будущий православный митрополит Иосиф (Семашко) вел дело к ее упразднению. Поэтому наряду с мероприятиями по всестороннему укреплению Унии, Лисовский лишь старался остановить полонизацию и латинизацию Унии, а Семашко решительно вел дело к обособлению униатов от римского духовенства и польских панов и направлял их к Православию. Именно в этом таилась главная идея автора воссоединительного проекта. Давая характеристику преобразованиям, начатым в 1828 г., митрополит Иосиф (Семашко) писал в воспоминаниях: «Нужно было прежде изъять униатов из-под власти римлян; разорвать слишком тесную связь, возникшую между первыми и последними; дать униатам некоторую самостоятельность и особое направление; ввести воспитание духовенства, способное возродить понятия и убеждения, свойственные Восточной их Церкви»¹⁶.

Можно говорить о том, что первый план воссоединения, принадлежавший Иосифу (Семашко), в некоторых пунктах совпадал с планом реформ митрополита Ираклия (Лисовского). В то же время совпадения не были основополагающими, как это видел П.О. Бобровский. Идея разрыва церковной унии посредством укрепления униатского церковного организма, на которой Семашко строил процесс воссоединения, была самостоятельной и неожиданной настолько, что и сегодня не замечается историками.

В конфессиональной истории белорусско-литовско-украинских земель имеются еще несколько проектов конфессиональных обращений значительного числа духовенства и больших масс верующих. Определяя степень самостоятельности проекта общего воссоединения, принадлежавшего митрополиту Иосифу (Семашко), необходимо рассмотреть проекты перевода православных в Унию православного архиепископа Львовского Иосифа (Шумлянського) и проект перевода униатов в Православие архиепископа Херсонского и Славянского Евгения (Булгариса).

---

¹⁴ Развитие самобытности Унии в австрийских владениях закончилось появлением феномена украинства (Филевич И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке. Варшава, 1891. 31 с.), исполнение исторического предназначения которого наблюдается в наши дни.

¹⁵ Романчук, А., протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей А. Романчук. – Москва – Минск : Издание Общества любителей церковной истории, 2015. – 443 с. – С. 48–87.

¹⁶ ЗИМЛ. Т. 1. С. 55.

Проект львовского архиепископа Иосифа (Шумлянського) получил неплохое освещение в исторической науке, его изучение опирается на обширную источниковую базу. Жизнь и деятельность этого иерарха наиболее полно описаны в очерке Мирона «Иосиф Шумлянський, последний православный епископ львовский, и его «Метрика»», опубликованном в нескольких номерах «Киевской старины» за 1891 г. Архивные материалы, в которых содержится проект владыки Иосифа, напечатаны в «Сводной галицко-русской летописи», издававшейся во Львове униатским священником и знатоком славянских древностей А.С. Петрушевичем, а также в 1-й части 4-го тома «Архива Юго-Западной России».

В противоположность этому, церковно-историческая наука очень немного внимания уделила миссионерским планам архиепископа Евгения (Булгариса). Известен церковно-исторический и богословский трактат, принадлежащий перу этого владыки, который носит название «О лучшем воссоединения униатов с Православной Церковью». Это произведение было опубликовано в «Христианском чтении» за 1887 г. Однако до настоящего времени не известно ни об одной попытке его анализа.

Проект перевода львовских православных в Унию, был разработан архиепископом Иосифом (Шумлянским), тайно принявшим Католичество, в 1681 г. и реализован в полном объеме к 1708 г. Он осуществлялся в режиме строгой секретности и содержал в себе несколько пунктов, помочь исполнить которые должно было правительство Речи Посполитой. Проект состоял в следующем:

1) уравнивать во всех правах униатское и католическое духовенство и подтвердить это уравнение сеймовой конституцией;

2) обеспечить греческому обряду богослужения такое же почитание, каким был окружен латинский обряд;

3) открыть в каждой епархии семинарию, после обучения в которых униатскому духовному юношеству предоставлялась возможность продолжать образование в латинских академиях и иезуитских коллегиях;

4) назначить частые соборы и съезды униатского духовенства и игнорируя различия между Православием и Унией присутствие на съездах сделать обязательным для православного духовенства под страхом лишения должностей за неявку;

5) преследовать несогласных на Унию административными мерами, лишать их должностей и судить по законам, относящимся к бунтовщикам;

6) употребить все усилия для обращения в Унию православных дворян и наиболее видных лиц, состоявших в православных братствах, для чего допустить русское дворянство к должностям в трибуналах, а мещан в магистраты. При этом униатские епископы должны были получить места в Сенате.

Для вернейшего достижения поставленной цели Шумлянський требовал для себя полноты властных полномочий правящего архиерея, а также помощи себе со стороны панов-католиков, которые своими мерами должны были заставить священников ему

повиноваться. Последнее известно из письма написанного Шумлянским к овручскому дворянству.

Рассмотрение проекта Шумлянского открывает, что он для перевода православных в Унию требовал для себя помощи от правительства в осуществлении полноты своих властных полномочий правящего архиерея, а также поддержки себе со стороны панов-католиков, которые своими силами и средствами должны были заставить священников не выходить из-под власти их правящего архиерея, несмотря на его явную антиправославную деятельность. То есть Шумлянский опирался на светскую власть, представленную правительством Речи Посполитой на государственных землях и католическим дворянством в частных владениях. Также Шумлянский использовал иерархический принцип, делая упор на переориентацию духовенства и оставляя простой народ в стороне. В то же время он полагал принципиально важным употребить все усилия для обращения в унию православных дворян и наиболее видных лиц из мещан, состоявших в православных братствах¹⁷. Несомненно, это было связано с тем, что Речь Посполитая для знати и представителей свободной части населения выступала в качестве правового государства.

Общий замысел Шумлянского, очевидно, заключался, с одной стороны, в том, чтобы сделать Унию максимально привлекательной для православных, предоставив униатам множество льгот; с другой стороны, он основывался на возможно более тесном соединении православного и униатского духовенства, обеспеченного силой светской власти; с третьей стороны, Шумлянский рассчитывал на постепенное перерождение православного клира с помощью распространения среди католического богословского образования. Принцип был использован иерархический, метод – системный, все должно было совершиться в тайне и в течение продолжительного времени. Здесь можно увидеть некоторое подобие плану митрополита Иосифа (Семашко), однако различия тоже велики.

Принципиальным отличием является то, что прелат Иосиф: а) не требовал себе властных полномочий; б) не настаивал на использовании силы против своих оппонентов; в) не призывал российское правительство разного рода льготами привлечь униатов к Православию. Впрочем, неизвестно, чтобы Семашко изучал опыт успешной деятельности архиепископа Иосифа (Шумлянского). Для этого ему нужно было работать в архиве униатских митрополитов. Только там он мог найти необходимые документы. Но о его работе в этом архиве в 1827 г. сведений нет.

---

¹⁷ Мирон. Иосиф Шумлянский, последний православный епископ львовский, и его «Метрика» // Киевская старина. 1891. Т. XXXIII. С. 337–362; Т. XXXIV. С. 1–21 ; Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1871. Т. IV. Ч. 1. Акты об Унии и состоянии православной церкви с половины XVII века. С. 37–49, 72, 74–75 ; Сводная Галицко-Русская летопись с 1600 по 1700 год // Литературный сборник, издаваемый Галицко-русскою Матицею. 1872 и 1873. Львов, 1874. С. 634–635, 641–647.

Некоторую схожесть в планах Шумлянського и Семашко можно объяснить использованием авторами универсальных сторон церковной жизни и церковно-государственных отношений. В то же время их схожесть не слишком велика, принципиальные различия весьма существенны. Привлечение в Унию и духовенства, и людей из среды православной знати с помощью законодательно оформленных льгот, насильственные меры в отношении несогласных на Унию священнослужителей, требование усиления своей власти и проч. – все это резко контрастирует с проектом митрополита Иосифа (Семашко).

Проект воссоединения униатов высокопреосвященного Евгения (Булгариса), архиепископа Славянского и Херсонского, греческого богослова и духовного писателя, принявшего русское подданство во времена императрицы Екатерины II, содержится в сочинении «О лучшем способе воссоединения униатов с Православной Церковью». Оно было написано по просьбе обер-прокурора Св. Синода графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина примерно в 1793 г. Просьба Пушкина была инициирована приказанием императрицы Екатерины. Сочинение было написано на греческом языке и сразу же переведено на русский. Это сочинение никогда не публиковалось. Оно в рукописном виде в 1886 или в 1887 г. было случайно обнаружено в одной из букинистических лавок Петербурга, куда по некоторым признакам попало из какого-то частного собрания, хотя по замечанию издателя на обложке рукописи сохранились отметки, принадлежащие официальным документам Св. Синода. Редколлегия «Христианского чтения», печатая трактат Булгариса, прямо обращалась к профессору Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Кояловичу, самому маститому униоведу того времени, с вопросом о том, как повлияло и повлияло ли на события первого воссоединения это сочинение владыки Евгения.

Всего высокопреосвященный Евгений предлагает семь способов воздействия на униатов, которых он считает несправедливо носящими это имя. Автор не поясняет своей мысли, но скорее всего он имеет в виду то, что за названием «униаты» скрывается истинное положение дел, которое состоит в том, что униаты – это католики, т.е. с духовной точки зрения западные христиане, которые практикуют восточный обряд не только из-за сложившихся определенным образом исторических обстоятельств, но и с миссионерской целью.

Булгарис, очевидно, исходит из твердого православного представления о том, что Римская Церковь откололась от тела Вселенского Православия, в результате чего оказалась беззащитной перед появлением неизвестных древней Церкви догматов. В результате она стала еретической, хотя он нигде в своей записке не называет Католичество ересью.

Архиепископ Евгений высказывает мнение, что униатов нельзя перевести в Православие с помощью насильственных мер, проведением дискуссий с униатами на совместных Соборах, проведением открытых дискуссий и изданием полемической литературы. Эти 4 способа, по его мнению, не могут привести к желаемому

результату, более того, они могут иметь прямо противоположные последствия, т.е. униаты еще более укрепятся в своих заблуждениях.

5-й способ состоит в назначении в местности компактного проживания униатов специально подобранных образованных, благоразумных, благочестивого жития священнослужителей всех рангов и степеней.

6-й способ состоит в открытии среди униатов православных школ, в которых дети униатов и православных должны были бы обучаться совместно. Вновь особое внимание автор уделяет подбору учителей

7-й способ – наставление униатов в православной вере православным духовенством и учителями школ. Упор должен был делаться не на спорах и прениях, а на том факте, что в первые века Христианства Церковь была едина. После разделения, в восточной части не были введены никакие новые догматы, а западной части появились неизвестные ранее истины веры¹⁸.

Способы с 5-го по 7-й, рассмотренные в едином комплексе, – это не что иное, как совет развернуть среди униатов – подданных православного монарха – православную миссию, такую, какая на основании православной эkkлезиологии должна организовываться среди иноверцев. Очевидно, что этот проект не имеет ничего общего с проектом митрополита Иосифа (Семашко), согласно которому униаты – это не еретики, а раскольники, и православное духовенство не должно было разворачивать миссию среди униатов. Без сомнения, владыка Иосиф ничего не знал о сочинении владыки Евгения. В целом сочинение Булгариса не имеет ничего общего с реальными событиями воссоединения униатов в 1839 г. Его сочинение – это основанное на твердой православной эkkлезиологии, общее рассуждение. Булгарис не был знатоком положения дел в приобретенных Россией от Речи Посполитой регионах, а потому его советы слишком отвлеченные. Их практически невозможно было положить в основу государственной конфессиональной политики. Ни один из принципов, на которых Булгарис советовал строить православную миссию среди униатов, не был реализован. Правда, в западные губернии пытались привлекать священников из внутренних регионов России. Однако, стоит заметить, никакого подбора священнослужителей по их качествам не было, а потому часто в белорусско-украинские земли приезжали не самые лучшие лица духовного звания, что часто приводило к конфликтам между местным населением и новопривывшим духовенством.

Таким образом, можно говорить о том, что сочинение архиепископа Евгения (Булгариса) не сыграло никакой роли в присоединении униатов. Оно интересно как памятник православного миссионерского видения, основанного на твердой

---

¹⁸ Евгений (Булгарис), архиепископ. Записка архиепископа Евгения Булгариса о лучшем способе воссоединения униатов с православной церковью // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 19–93.

православной позиции, а также является свидетельством стремления правительства Екатерины II решительно покончить с Унией.

Из сказанного следует, что проект общего воссоединения, предложенный митрополитом Иосифом (Семашко) в 1827 г., создавался без стороннего влияния, без знакомства с проектами конфессиональных обращений прежних времен, а потому в основных своих положениях представляется самостоятельным. Между тем, некоторые мысли, заложенные в основание и первого, и второго планов в проекте высокопреосвященного Иосифа (Семашко), высказывались ранее, и митрополит Иосиф был с ними ознакомлен. Речь идет о рапорте Минского губернатора З.Я. Корнеева, поданного на имя императора Павла I 6 июля 1797 г.¹⁹ С этим документом имеет смысл ознакомиться более внимательно.

По распоряжению императора Павла I З.Я. Корнеев в июне 1797 г. посетил находящиеся в пределах семи уездов Минской губернии 23 прихода, в 1795 г. перешедшие из Унии в Православие, в которых, как сказано в рапорте, «обращаемый к благочестию народ колеблется во исповедании веры», а крестьяне уклоняются от «хождения в церковь и принятия священных треб»²⁰. Минский губернатор имел от императора поручение исследовать сложившуюся после екатерининского воссоединения ситуацию в непосредственном общении с верующими.

Корнееву удалось выяснить, что при начале воссоединения униатов с православными, прихожане надеялись на то, что воссоединение будет общим, и они, во-первых, «не потеряют старинной между собою связи родства и знакомства»²¹, а, во-вторых, получат от государства «уменьшение всяких податей и работ»²², что без всяких оснований обещали им местные чиновники. Помимо этого, Корнеев нашел, что в некоторых случаях среди униатских прихожан не наблюдалось общего желания присоединиться к Православию, а того желала небольшая группа, представители которой, не уведомляя других, записывали их православными. В результате «в одних приходах, по обращении, очень мало людей ходили в благочестивую церковь, а в других и совсем никто, равно и священных треб не принимали в течении двух лет и более»²³. Пока строгого разграничения православных и униатов не было, бывшие униаты продолжали беспрепятственно обращаться за требами к униатским священникам, «иные сами давали младенцам святое крещение; а многие приняли римско-католическое исповедание веры, яко то в двух приходах Вилейского повету

---

¹⁹ Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии. 6 июля 1797 г. // Русский архив. 1869. Т. 12. Стлб. 1559–1566.

²⁰ Там же. Стлб. 1559–1560.

²¹ Там же. Стлб. 1560.

²² Там же.

²³ Там же.

все жители вообще то учинили»²⁴. Мнение Корнеева о недостатках воссоединении екатерининского времени подтверждается воспоминаниями Г. Добрынина²⁵.

Согласно рапорту Корнеева православные священники в таких обстоятельствах часто оказывались в своих церквях в одиночестве, бедствовали, лишившись доходов от паствы. Это заставляло их принуждать прихожан ходить в церковь и принимать православные требы против их воли, а также жаловаться на прихожан и обвинять во всяких неблаговидных поступках соседних униатских священников «от чего множество заведено следствий, и народ большею частью безвинно подвержен истязанию»²⁶.

Корнеев всю вину за сложившуюся неблагоприятную ситуацию возлагает на православное духовенство, поскольку считает, что к 1797 г. власти сумели полностью оградить воссоединенных от влияния униатского духовенства и помещиков-католиков²⁷. Это мнение выглядит странно. Как известно господствующее положение полонизма и Католичества латинского обряда, а также экономическое благосостояние правящего класса западных губерний, состоявшего из католической шляхты, не было подорвано. В таких условиях защитить воссоединенных из Унии людей было невозможно. Корнеев, будучи государственным функционером высокого ранга, не мог в этом отношении обманываться. Его мнение о виновности православного духовенства в проблемах воссоединенных можно объяснить тем обстоятельством, что он был видным масоном, поддерживавшим тесные связи с А.Ф. Лабзиным²⁸. Для людей его круга, интересов и убеждений конфессиональная и этнокультурная политика императрицы Екатерины II в приобретенных от Польши губерниях была неправильной, а потому он позволял себе критиковать ее и возводить вину за проблемы на православное духовенство. Тем более, что он знал о сложном отношении нового императора ко всем начинаниям своей матери и его симпатиям к Католичеству.

З.Я. Корнеев видит три причины сложившейся неблагоприятной для Православия ситуации.

Первая, состоит в слишком поспешном и неправильно организованном обращении униатов, когда чиновники не убеждались в общем желании крестьян перейти в Православие, а православные священники-миссионеры не прилагали должных усилий для убеждения людей в истинности православной веры. Зачастую воссоединение состояло в том, что церкви объявлялись православными, и главное внимание присланными из Смоленской епархии православными священниками уделялось правильному исполнению непривычных белорусскому населению обрядов.

---

²⁴ Там же. Стлб.1560–1561.

²⁵ Добрынин Г. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823: в 3 ч. СПб., 1872. С. 296–302.

²⁶ Рапорт Минского губернатора Корнеева... Стлб. 1561.

²⁷ Там же.

²⁸ Письма А.Ф. Лабзина к З.Я. Карнееву // Русский Архив. – 1892. – № 12. – С. 353–392.

При этом Корнеев подчеркивает, что простые униаты привыкли в церквях слушать поучения на польском языке, чего присланные православные священники из-за недостаточной образованности исполнить не могли, «чрез что совершенно сделались отвратительными народу»²⁹.

Вторая причина, по мнению губернатора, заключается в отчуждении воссоединившихся с Православной Церковью и оставшихся униатами. Корнеев подчеркивает, что народ не имеет твердого «понятия о униатском исповедании веры, ни мало не противится и благочестивому; но тем токмо огорчен, что, по обращении церквей их из униатских в благочестивые, лишились они всех выгод, коими прежде пользовались, а именно перестали униатские священники из соседних приходов ходить к ним с крестами и образами, в храмовой и прочие праздники для процессии, от чего по местечкам и селам пресекалось стечение народа, убавились торги и ярмарки; лишились жители средств продавать свои продукты и покупать нужное; забавы и свидания с родными из других деревень прекратились, и они увидели себя вдруг аки осиротевшими и отчужденными от всякого сообщества: ибо, за строгим запрещением униатским попам давать требы прихожанам благочестивых церквей, не принимают их нигде в праздники и по другим селениям, но бегают и чуждаются»³⁰.

Обособленное положение немногочисленных православных приходов среди множества униатских люди переживали тяжело. Поэтому некоторые из воссоединенных, не понимая разницы между Православием и Унией, желали, чтобы все сельские общины были одинаково либо униатскими, либо православными «дабы по прежнему иметь сношение со всеми беспрепятственное и пользоваться общими для жизни выгодами»³¹.

Третья причина проблем видится Корнееву в том, что православные храмы находятся в упадке. Приходы из-за своей малочисленности не соответствуют своему статусу и не могут содержать свои церкви в надлежащем благолепии. Поскольку «нет и не было общей и доброй воли поселян к принятию благочестия, а большая часть держатся униатства, некоторые ж сделались римскокатоликами, то и остаются повсюду обращенные на благочестие церкви пусты, без всякаго необходимого благолепия, так что священникам совершать богослужения не на чем»³².

Во всех исследованных православных приходах Корнеев не обнаружил единодушной твердости прихожан в Православии. В то же время он сообщает, что никто из верующих не стремится обратно в Унию, но только люди желают восстановить вероисповедное единство со своими соседями и родственниками.

Это наблюдение подтолкнуло Корнеева к изучению настроений и пожеланий униатских священников. В разговорах с ними он выяснил, что они видят разницу

---

²⁹ Рапорт Минского губернатора Корнеева... Стлб. 1561–1562.

³⁰ Там же. Стлб. 1562.

³¹ Там же. Стлб. 1562–1563.

³² Там же. Стлб. 1563.

между Православием и Унией в признании униатами Римского Папы главой Церкви и исповедании ими исхождения Святого Духа от Отца и Сына. В остальном опрошенные священники полагали, что Православие и Уния «в существе суть едино, и все богослужение производится по русским книгам грекокатолического исповедания»³³.

Разузнав это, Корнеев спрашивал: «Для чёго ж, ведая основание вер сих в существе единым, не стараются они присоединиться к господствующей грекокатолической (т.е. православной – грекокафолической – А.Р.) вере, так как предки их по единому господствию римскокатолической веры сделались униатами, на что от многих ученых и хороших поведением попов, по некоторой беседе с ними, видел довольную преклонность и желание присоединиться, но останавливает их одна опасность духовного своего начальства, которое, удержав прочих униатами, может и их подвергнуть подобным обстоятельствам, в каких находятся 23-ть приходоу, обращенных на благочестие»³⁴.

Далее Корнеев предлагает проект не только исправления межконфессиональной ситуации, но и дальнейшего воссоединения униатов.

Он сообщает императору, что предложил Архиепископу Минскому и Волынскому Иову (Потемкину), чтобы тот распорядился не препятствовать православным прихожанам обращаться за совершением треб к униатским священникам, что и было исполнено. Тем самым, по мнению минского губернатора, снималось межконфессиональное напряжение³⁵. Затем он советовал местному епархиальному начальству обратить внимание на подбор православного духовенства. Нужно было отказаться от приглашения священников со стороны, а привлекать к приходскому служению лишь местных священнослужителей, владеющих польским языком и «искусных к научению народа»³⁶.

Удивительно, что З.Я. Корнеев решал вопросы такого масштаба без обращения к руководству Православной Церкви, но его инициатива с позволением верующим обращаться за духовными требами к священнослужителям разных конфессий была направлена не только на успокоение межконфессиональной ситуации, но и на продолжение воссоединения униатов.

Дело в том, что такое разрешение вело к хаосу, когда невозможно было разобраться – к какому церковному объединению относятся люди, прихожанами какого храма они являются. Это было нарушение порядка, в исправлении которого были заинтересованы священники как Православной, так и Униатской Церквей. Поэтому вполне логичным представляется следующее предложение Корнеева, состоящее в том, чтобы для сохранения общего порядка обязать униатские приходы

---

³³ Там же. Стлб. 1564.

³⁴ Там же. Стлб. 1564.

³⁵ Там же. Стлб. 1565.

³⁶ Там же. Стлб. 1564.

подчиняться Минскому архиепископу Иову в ведении метрических книг и составлении ведомостей наравне с православными приходами. Корнеев объяснял это нововведение тем, что униаты никогда прежде не заводили у себя правильный порядок метрических записей, а униатское начальство было слишком удалено и не могло следить за исполнением этой обязанности приходским духовенством. Минский губернатор полагал, что будет полезно подчинить архиепископу Иову униатов в ведении церковной документации, касающейся фиксирования актов гражданского состояния. Этим средством, пишет Корнеев, «сохранится сведение о соблюдении народом обязанности своей по совестному каждому исповеданию веры»³⁷.

Далее Корнеев описывает последствия такого шага. По его мнению, тесное взаимодействие униатских священников с Минским православным епархиальным начальством может подтолкнуть униатов к сближению с православными и даже к переходу униатских священников в Православие вместе со своими приходами. Корнеев считает такую надежду оправданной, т.к. отмечает тесную связь униатского духовенства, о котором он отзывается очень высоко, считая его высокообразованным, ведущим благочестивый образ жизни и деятельно наставляющим народ словом проповеди, и простого униатского народа, доверительные отношения между ними, так что народ «готов следовать за ними повсюду»³⁸.

Т.о., Корнеев считал главным обращение в Православие униатских священников. Чтобы облегчить им присоединение к Православной Церкви, он советовал оставлять им латинское священническое одеяние и бритье бород. В церквях Корнеев советовал на первых порах ничего не менять, в частности не настаивать на восстановлении иконостасов «ибо перемена вещей сих великое имеет влияние на народ, который и могут и умеют держать они в повиновении»³⁹.

Анализ рапорта З.Я. Корнеева открывает, что минский губернатор на основании лично собранной информации предлагал продолжить воссоединение униатов, используя иерархический подход, т.е. не обращаясь к простым верующим, относясь терпимо к их привычкам и сложившимся церковным традициям. При этом он советовал организовать тесное соприкосновение православного священноначалия и униатского духовенства, а также не требовать перемены священниками своего внешнего вида. Все эти элементы присутствуют как в первом, так и во втором плане проекта, разработанного Семашко.

Рапорт З.Я. Корнеева был известен Иосифу Семашко в начале 1828 г. Об этом свидетельствует «Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России», датированная 28 февраля 1828 г. и подготовленная в канцелярии министра народного просвещения А.С. Шишкова при участии прелата Иосифа. В этом

---

³⁷ Там же. Стлб. 1565.

³⁸ Там же. Стлб. 1566.

³⁹ Там же.

документе мысли Корнеева кратко разбираются и критикуются⁴⁰. Однако неизвестно, был ли митрополит Иосиф знаком с этим документом в момент написания своей «Записки о положении в России Униатской Церкви...», т.е. в начале ноября 1827 г. Можно предположить, что этот текст был ему не знаком, т.к. вряд ли правительственные делопроизводственные документы такого высокого уровня доводились до представителей католического духовенства. В то же время представляется достаточно очевидным, что при составлении второго плана проекта воссоединения Семашко не просто учитывал, но использовал идеи З.Я. Корнеева, заключавшиеся в том, чтобы: 1) подчинить униатское духовенство руководству Православной Церкви с целью постепенного слияния униатских духовных лиц с православным клиром; 2) не требовать от греко-католических священнослужителей, склонных к Православию, перемены их внешнего вида, чтобы облегчить для них переход в Православие.

При этом идеи Корнеева автор воссоединительного проекта привлекал творчески, применяясь к сложившимся условиям. В частности, Корнеев предлагал не касаться литургической сферы жизни белорусско-украинских униатов. В первом плане Семашко тоже ничего не говорит о вмешательстве в эту очень чувствительную для простых верующих сторону церковной жизни. Однако, после 1834 г. митрополит Иосиф развернул широкомасштабную литургическую реформу, пойдя против совета Корнеева, исходя из собственных соображений.

Из всего сказанного следует, что проект общего воссоединения, предложенный митрополитом Иосифом (Семашко) в 1827 г., создавался без знакомства с проектами конфессиональных обращений прежних времен, но не на пустом месте. В нем использовался опыт деятельности митрополита Ираклия (Лисовского), а также некоторые идеи минского губернатора З.Я. Корнеева. В то же время сама постановка проблемы, а также соотношение разных элементов проекта и их применение в зависимости от складывавшихся обстоятельств представляли собой самостоятельное творчество митрополита Иосифа (Семашко). Предложение разорвать союз части Белорусской и Украинской Церкви с Римом через пробуждение в духовенстве религиозной неудовлетворенности и исторической памяти, отказ от репрессий в отношении оппонентов, глубокий взгляд на проблему и проч. – все это открывает в митрополите Иосифе самобытный талант, если не сказать гениальность.

Источники и литература

---

⁴⁰ Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года. // Русская старина. 1870. Т.1. С. 517–538. С. 525.

1. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов. – Киев : В университетской типографии, 1871. – Т. IV. – Ч. 1. Акты об Унии и состоянии православной церкви с половины XVII века. – 746 с.
2. Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского / П.О. Бобровский. – Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1890. – 394 с.
3. Галадза, П., священник. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття / священник П. Галадза // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2 – 6 жовтня 1995 р. / ред. Б.Гудзяк. – Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. – С. 5–6.
4. Добрынин, Г. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752 – 1823: в 3 ч. / Г. Добрынин. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Печатня В.И. Головина, 1872. – 380 с.
5. Евгений (Булгарис), архиепископ. Записка архиепископа Евгения Булгариса о лучшем способе воссоединения униатов с православною церквою / архиепископ Евгений (Булгарис) // Христианское чтение. – 1887. – Ч. 2. – С. 19–93.
6. Записка об упразднение греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года. // Русская старина. – Санкт-Петербург : Печатня В.И. Головина, – 1870. – 2 изд. – Т.1. – С. 517–538.
7. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883. – Т. 1. – 745 с.
8. Лопухин, А.П. История Христианской Церкви в XIX в.: в 2 т. / А.П. Лопухин. – Петроград, 1900. – Т. 1: Инославный христианский Запад. – 588 с. – Приложение к духовному журналу «Странник».
9. Мирон. Иосиф Шумлянський, последний православный епископ львовский, и его «Метрика» / Мирон // Киевская старина. – 1891. – Т. XXXIII. – С. 337 – 362; – Т. XXXIV. – С. 1–21.
10. Пері, В. Берестейська унія у римському баченні / В. Пері // Історичний контекст, укладнення Берестейської унії і перше поунійне покоління: Матеріали Перших «Берестейських читань». – Львів, 1995. – С.7–25. – С. 19 ; Об этом же см.: Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595 – 1596 гг. / М.В. Дмитриев. – Москва : Издательство Московского университета, 2003. – 320 с. – (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 22; Сер. II, Исторические исследования: 7).
11. Письма А.Ф. Лабзина к З.Я. Карнееву // Русский Архив. – 1892. – № 12. – С. 353–392.
12. Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии 6 июля 1798 г. // Русский архив. Москва : Тип. Грачева, 1869. – Т. XII. – Стлб. 1559–1566.

13. Романчук, А., протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей А. Романчук. – Москва – Минск : Издание Общества любителей церковной истории, 2015. – 443 с.

14. Сводная галицко-русская летопись с 1600 по 1700 год // Литературный сборник, издаваемый Галицко-русскою Матицею. 1872 и 1873. – Львов : Из типографии Ставропигийского Института, 1874. – 700 с.

15. Филевич, И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке / И.П. Филевич. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1891. – 31 с.